

ЭКРАН И СЦЕНА

14 февраля — с. 18-9

ПРОФИЛЬ КУМИРА

МЫ ИЗ «БИТЛЗ»

Тридцать лет с момента первого успеха.

Двадцать лет с момента последнего совместного выступления.

Десять лет со дня смерти Джона Леннона.

Их влияние тем не менее не ослабевает. Почему? На этот вопрос в беседе с корреспондентом французского журнала «Нувель обсерватор» Бернаром Женье отвечает экс-битл Пол Маккартни.

(См. 8—9-ю страницы).

Рисунок К. Валова.

Маккартни П.

14.11.91

ПРОФИЛЬ

— В вашем последнем альбоме большинство песен — «проектники» эпохи «Битлов». Вы все время возвращаетесь к ним! Не грустно ли!

— После разлуки с «Битлами» я все время «спинной» чувствовал прошлое. Это достаточно горькие ощущения. И я не мог долгое время исполнять песни из «тех лет». Разрыв с «Битлами» был слишком уж болезненным. Но постепенно наступило успокоение. И когда я повторяю песни — наши старые песни, то наполняюсь чувством собственного достоинства. Мне с ними «не стареет».

— Одну из самых удачных находок «Битлов» следует отнести к декабрю 1965 года. «Rubber soul» — музыкальная реликвия, знаменитый альбом, открывший новую главу в истории рока для целого поколения. Откуда взялось это внезапное вдохновение!

— Наркотики.

— Наркотики!

— Ну да. Мы в те годы были большие пьяницы. Я пил, например, скотч с кокой. И мы постоянно встречались с новыми друзьями, американскими музыкантами, большинство «баловалось» всерьез и спиртным, и наркотиками. Вы знаете, как это бывает. Мы начали курить марихуану. И она оказалась сногшибательной! Была открыта и изучена новая планета. Это по ощущениям, вероятно, лучшее из всего, что есть. Но опасно, черт возьми. По правде, я никому не делал такого рода признаний и сейчас говорю своим детям: не трогайте это никогда, не прикасайтесь.

— Только ли наркотик вам помогал?

— Во всяком случае он дал неведомые, сказочные ощущения. Это нам надолго пригодилось. Мы были тогда студентами. Джон посещал школу изящных искусств. Я в лице немного занимался литературой. Там, ничего серьезного, но достаточно, чтобы приобрести «художественный» вкус. Искусство вдруг начало волновать, особенно живопись: у нас появилось множество друзей в художественных галереях. Итак, наркотики и искусство.

— Все альбомы после «Rubber soul» были написаны тоже под влиянием наркотиков?

— Поймите: помимо наркотиков, с нами на заре собственной славы происходило что-то невыразимое. Нам переполняли предчувствия, противоречия, мысли о параллельных мирах. Мы понимали, что страсть к искусству выпала нам, как счастливым случай. И мы ощущали себя свободными, готовыми все испытывать. Вы помните «Rubber soul», альбом с уродливой фотографией, где мы все четверо? Когда нам представляли варианты иллюстраций для этого альбома, слайды, увеличенные на специальном экране, особо не радовали глаз. В какой-то момент фотограф вышел, и экран был нами немного отодвинут в сторону. Он оказался выпуклым. Поглядев на него из неожиданной точки, мы увидели нечто безобразное. И, глядя на искаженное свое изображение, мы закричали: «Стоп, мы этого хотим!»

— Говоря о «Битлах», лично вас не всегда вспоми-

нают добрым словом. Утверждают, например, что Леннон был активнее, оригинальнее, чем вы его оцениваете.

— Странно. Люди говорят! Он был гений. И золотой человек. Я родился «избранником», потому что работал с ним. Я обожаю Элвиса, обожаю Хендрикса. Но Джон! Джон — это что-то мое: плоть от плоти. Можно так сказать? Он был лучшим моим другом, и мы всегда вместе выжили в этой бесконечной вакханалии вокруг «Битлов». Просто существует клише. Следуя ему, надо говорить: Леннон — гений, а остальные... Как это выразить? Вторичны. Это чуть сложно переносить. О, я сказал «чуть»! Слукавил. В следующий раз признаюсь: очень, очень, очень сложно переносить. Я счастлив, что наконец пришла пора расставить точки над «и». Хотя был бы жив Леннон, он был бы моим первым поклонником. Вообще же отношения были сложными. Очевидно, что в них приходилось ступать по острию бритвы, чтобы не стать врагами. Я никогда не хотел бы вести с ним открытую войну. «Неряха, дерьмо, ублюдок», — вот как он обращался ко мне от времени ко мной. Иногда он меня «толкал» наверх, вселял надежду, что я очень талантлив. А вообще мы походили немного на братьев.

Он был слегка параноиком, говорил, например (помню дословно): «Я люблю очень, когда хранят мой образ!» Я отвечал: «Не волнуйся, тебя и так не забудут. Но к чему эта вычурность?» Теперь я лучше понимаю, что он имел в виду: он хотел оставить о себе вечную память.

— На пластинке вы употребили выражение «то, что зовут 60-ми годами». Вы не любите этот период?

— Совсем наоборот. Вообще странно, как об этой эпохе долго помнят! Мы о ней, ушедшей, очень сожалеем. То был период, полный благородства, невероятно богатый желаниями свободно жить, верить во что-то хорошее, любить искусство. Тоска по этим желаниям — память о тех годах. Хотите анекдот: моя шестнадцатилетняя дочь пошла на несколько дней поработать к модельеру Кри-

стиану Лакруа. Я отправился к нему поблагодарить за дочь, а он закричал, выбежав ко мне навстречу: «О, Пол, если бы не «Битлы», моя жизнь была бы бессмысленной». Странно слышать подобное от человека такого класса. Хотя в сущности все мы совершенно равны: обычные, немного примитивные дети.

— Вы часто спорили друг с другом?

— Да нет. Мы занимались другим: постоянно измеряли свои возможности. Нас ведь переоценивали, называя движением, переключением все существующие ценности. А по сути дела мы даже ничего не изобретали. Маленькая деталь: длинные волосы, которые весь мир унаследовал от нас. На самом же деле в Париже одна наша подружка подарила «великую» идею. Мы причесывались совершенно как рокеры, — волосы собирали в хвост. А она сказала: «Фи, что за кощера!» И расчесала нас. Вот и вся история. Видите, ничего мы сами не придумывали. Просто становились неким «рупором», проводником идей, моды, может, отчасти и жизни людей!

Когда мы написали «Революцию», Джон все настаивал, чтобы мы объяснили: речь идет о перевороте духовном, а не о политическом бунте.

— Для вас это название — своего рода манифест...

— Мы размышляли об этом. Но вот послушайте: «Ты сказал, что хочешь революцию. Может быть, мы и впрямь хотим все в мире изменить. Но, если ты прогуливаешься с портретами Мао, я тебе скажу, что ты никогда не придешь к революции!» Понятно, нет? Мы призывали к революции духа.

— Джон пророчил, что вы станете известнее Христа, вы находили, что это хорошая мысль!

Это было очень несчастливое заявление. Вроде того признания, которое мною сделано по поводу наркотиков. В этой декларации, весьма здравой и законченной по мысли, опубликованной в «Evening Standard», Джон заявил, что церкви исчерпали себя и влияние религии сильно уменьшилось (само по себе это было верно). И он добавил, что в Америке мы будем знаменитее, чем Христос. Но такое признание можно делать перед наполненным стаканом, а не перед журналистом: слухи неминуемы.

МЫ ИЗ BEATLES

КУМИРА

Я вспоминаю: во время нашего последнего американского турне с «Битлами» белообрый мальчишка лет одиннадцати саданул по бамперу машины с криком: «Сволочи! Подстрелю!» Он бы выстрелил, если б мог. Парнишка одиннадцати лет. Это происходило в Бэйби Белт. Когда я возвращаюсь мысленно к этому эпизоду, то думаю, что случай поистине жуткий и веселый одновременно. (Сколько в нем патетики, а?) А по ТВ огромный тип, с прической, похожей на кашпошн ку-клукс-кланов, так и заявил: «Мы движение террористов. Мы расстреляем одного из «Битлов» сегодня вечером во время концерта!» Конечно, мы порядком струхнули, тотчас решили уехать домой. Но в конце концов дотащились до сцены.

Во время тех же злополучных гастролей один ясновидец (он, между прочим, предрек гибель Кеннеди) объявил, что мы погибнем в самолете, на трассе Индианаполис—Денвер. Мы завывали в голос: ну надо же было собраться лететь именно этим самолетом! Но изменить уже ничего нельзя было. И мы напились до смерти перед самой посадкой. Полет был ужасным: воздушные ямы одна за одной. Они особенно мучительно переносятся пассажирами, которые надрались, как солдафоны. Мы, впрочем, долетели.

— Вы подражали когда-нибудь кому-нибудь из современников?

— Мы взахлеб дружили с Дилоном: знали его и восхищались им. Влияние Дилона на нас было бесспорным и огромным. Особенно для Джона. А, де-бютируя, мы, например, были вылитым Клиффом Ричардом. Кстати, постепенно все возвращается на круги своя: мой сын, который сегодня играет на гитаре, воображает себя Джими Хендриком.

— Чем вы объясняете это возвращение?

— В эпоху 60-х люди рвались к свободе — сексуальной, политической. Но, увы, были обречены на возвращение к «палке». Мы вернулись к ней своими же ногами. Помните годы правления Рейгана? Что они принесли людям? По-моему, ничего. Мы

сегодня перед ясным выбором: смириться с реализмом или сохранить идеалы.

— Что вы хотите этим сказать?

— Или мы будем продолжать нести бремя индустриализации, отравлять в конце концов все живое вокруг, или постараемся изменить ход вещей. В конце концов и у политиков есть совесть. Знаете, что говорит Мэгги: «Зеленое — это так красиво». Я уверен в конце концов люди скажут то же. Да вот будет поздно.

— Сегодня, сочиняя песни, вы предпочитаете придерживаться одной манеры, «битловской», или стараетесь быть разным?

— Если бы я и нашел какую-нибудь одну формулу, одну манеру исполнения, то тотчас бы и постарался о ней забыть. Процесс создания произведения непредсказуем.

Сейчас я, кстати сказать, работаю над большой сложной ораторией. Она будет исполняться нынешним летом в соборе Ливерпуля.

— А вы сами никогда не сочиняли музыки в чистом виде?

— Даже не знаю. У меня вообще-то неважная музыкальная память. Я не способен даже узнать по партитуре мелодию «Yesterday». Это моя единственная слабость. Поэтому и считаю сочинение музыки опасной вещью. Можно запросто попасть в ловушку и повторить то, что уже было до тебя, причем почти в точности. Разве что поменять тональность. Ну, скажем, если бы перед тем, как сочинить «Yesterday», я все время разыгрывал мелодии Шуберта, вряд ли удалось бы состряпать что-то самостоятельное. Хотя можно было бы ответить на ваш вопрос и наоборот: музыка — огромный сказочный мешок, из которого всегда выудишь что-то, уже, конечно, написанное, и, если придать этому «что-то» новый поворот, непредсказуемый эффект... Но вот сочинить что-то принципиально новое? Не знаю.

А вообще-то в песне самым главным лично я считаю слова и название. Отыскать подходящее — сделать половину дела. То же происходит и с книгами. Помните рассказ Томаса Вульфа «Костер тщеславия»? Вот броский заголовок. Та же история с «Битловской» песней «Sergeant Pepper's lonely hearts club band». Интригующее название, не правда ли?

С Джоном мы часто начинали сочинять песню именно с поисков названия. Многие, между прочим, спрашивают: «Леннон ли был автором слов песен?». А он был не столько автор, сколько Мэтр. Я помню, пытаясь исполнить в первый раз «Paperback writer», призвал в советчики Джона. Я подбирал слова медленно, тщательно, а он записывал и одобрял или не одобрял.

— Вы часто работали вместе с Джоном?

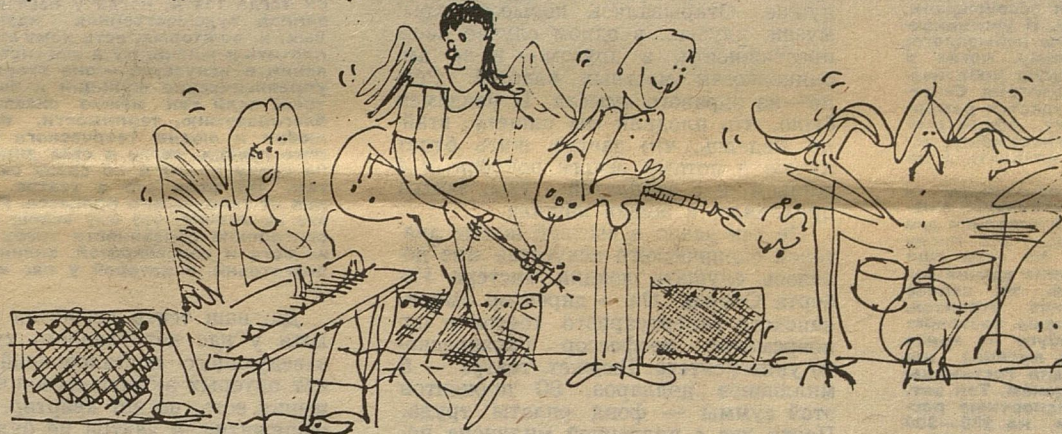
— Нет, не часто. Каждый предпочитал это делать сам собой. Джон, например, писал один: «Sgt. Pepper's lonely hearts club band». А «Yesterday» писал я.

— В середине 60-х вы открыли новую музыку. Что из музыки тех лет повлияло на вас?

— Мы, как я уже говорил, были вообще достаточно восприимчивыми людьми. Тянулись к индустриальной культуре, например. Свои первые открытия сделали благодаря гурзу Махариши. Сегодня это загадочное движение гурзу дискредитировано. Я думаю, тем не менее, оно было вовсе не так плохо. Мы ездили в Индию частенько, общались с Махариши, задавали ему вопросы все больше о сути бытия, о способах медитации, о левитации. Интересно, да? Левитация, левитация это вполне возможно. Кстати, его советы до сих пор помогают мне.

— Вы считаетесь вторым богатым человеком Англии. Вы полагаете, можно сделать карьеру в музыке, скажем, не будучи бизнесменом?

— Думаю, да. У нас было просто очень много проблем. Деньги стали насущной потребностью. Приходилось все время жить на чужой счет. Мы

выживали, будучи при этом иногда голыми и босыми.

Однако, если бы меня сегодня попросили напутствовать молодого исполнителя или начинающую группу, я бы сказал: ищите адвеката. Это сейчас важно.

— Вспомним ваш план возведения огромного центра звукозаписи. «План ЭПЛ». Он, вероятно, стоил вам больших денег! Самое амбициозное изобретение той эпохи.

— Да. Но, знаете ли, эта идея в конце концов оказалась больше «ультурной», чем финансовой. Мы хотели создать место, куда люди могли бы придти, чтобы раскрепоститься, почувствовать свободу. Идея, конечно, была блистательной. Но чтобы замысел не просто состоялся, но выдержал бы во времени, наверное, все же больше стоило думать о финансовых доходах, полученных из ЭПЛ, чем о духовном удовлетворении.

— Вы не помышляли вновь взяться за этот проект?

— Не знаю. Я интересуюсь всем, что происходит сегодня, но, с моей точки зрения, разница между 60-ми, наполненными творческими поисками до краев, и 90-ми, когда отдается приоритет рационализму, — колоссальна.

Перевела с французского
Наталла МЕСХИ.

